

ЕСЛИ правда, что «тетя Джейн робко старалась понравиться Богу и не оскорбить ничьих чувств», что она «никогда не произносила необдуманных или суровых слов», то остается предположить: она была особой в высшей степени унылой. И если правда, что для викторианцев ее «милые книжки» были что-то чашечка овсяного киселя на сон грядущий, то, пожалуй, самое время укладываться с одной из них где-нибудь на диванчике. Еще в 1902 году один критик сетовал, что речь в ее произведениях идет «ровным счетом ни о чем».

Но вдруг сегодня, почти через двести лет после смерти писательницы Джейн Остин, миллионы людей внемлют ей во все глаза и уши и, похоже, никак не могут насытиться. Ее романы «Гордость и предубеждение», «Разум и чувствительность», «Эмма» и «Энн Эллиот» ни с того ни с сего переживают ре-

Кадр из фильма «Чувственность и здравый смысл».

За публ. — 1996. — 19-25 июля (№ 29). — С. 14. РЕНЕССАНС ПОД СКРИП КОРСЕТОВ

нессанс — как в кино, так и на телевидении. «Со съёмочных площадок доносится скрип корсетов и передаваемый словами звук, рожденный втискиванием бюстов в одежды эпохи регентства», — пишет «Таймс». Лауреат премии «Оскар» актриса Эмма Томпсон написала отмеченный «Золотым глобусом» и еще одним «Оскаром» сценарий к фильму «Чувственность и здравый смысл» и сама играет разумную Элинон Дэшвуд. Рядом с ней в фильме вышагивает пасторальный Хью Грант, питающий слабость к курам и кратким проповедям.

Показ выпущенной Би-би-си телеверсии «Гордости» собрал 11 миллионов зрителей, с прошлой осени сериал идет в США. Три конкурирующих экранизации «Эммы» — для кино и телевидения — осуществяются в настоящее время в Великобритании. Сатирический журнал «Прайвйт ай» поставил свой диагноз: «Джейномания». Утверждают, что отдельные британцы, чтобы не пропустить ни единого эпизода, по пути к домашнему телевизору рисковали даже штрафом за превышение скорости — лишь бы увидеть, как мистер Дарси целует Элизабет Беннет. Стойте, стойте! Да ведь у Джейн Остин много говорят, но совсем не целуются. «Дорогая!» — рукопожатие, свадебный торж, занавес!

Итак, что же такое экранизации романов Остин? Утешительная диета, которую отец Эммы рекомендует гостям — овсяный супчик и яичко всмятку, — полагающаяся нам после долгого кинообжорства? Неужели мы соскучились по конным экипажам, нетопленным комнатам, ночным горшкам и калдриям? А может, и впрямь соскучились — по умеренности, терпению, сдержанности, прямоте и хорошему манерам? Во всяком случае, «Нью-Йорк таймс» уже усматривает во всем этом скорый реванш добродетели. Английская пресса приписывает Джейн Остин роль, всегда отводившуюся только королевской фамилии, — сплочение нации.

«Джейн Остин сексуальна», — говорит Эмма Томпсон, пять лет писавшая сценарий к «Чувственности и здравому смыслу» по роману, на создание которого самой Остин потребовалось вдвое меньше времени, — остроумна, и я часто от смеха бросала книгу».

Томпсон оставила большую часть искрящегося диалога и выбросила несколько побочных персонажей. За вежливыми речами трещат, разбрасывая искры, эротические флирти. В том, что в итоге разумная выходит замуж по любви, а мечтательная — по здравому размышлению, заключена ироничная уловка писательницы, соединяющей в своем произведении, казалось бы, несоединимое — острую наблюдательность и мягкую снисходительность, фарс и драму, каламбур и мораль. А то, что она никогда не впадает в сентиментальность и никогда не горячится, а просто описывает людей такими, какими она их знает, делает ее персонажи бессмертными.

Как писательница Джейн Остин всегда оставалась в тени и лишь за несколько лет до смерти — в 1817-м, в возрасте 41 года — вкусила литературной славы. Она действительно была больше «теткой», нежели писательницей, и уж лучше бы у нее было несколькими племянниками и племянницами поменьше и несколькими романами побольше.

Джейн Остин.

По ассоциации с ее большим семейным кланом, постаравшимся донести ее до нас в образе тихой старой девицы и вымаравшим из ее писем все, что могло бы свидетельствовать об обратном, ее книги тоже рассматривались как безопасное, изящное и незлобиво-юмористическое чтение. Но Остин вовсе не была той кроткой курочкой, что клюет себе тихонько зернышки в литературном палисаднике; это был блестящий сатирический талант уходящего XVIII века. От старых глаз ее сестры Кассандры ускользнуло несколько пассажей, которые на фоне тривиальной болтовни о шляпках-шпильках-тряпках показывают нам ту Остин, в руках которой и вязальная спица могла превращаться в разящую шпагу. «Миссис Холл вчера, за шесть недель до срока, разрешилась мертвым ребенком — как говорят, по причине нервного потрясения. Может, просто по неосторожности взглянула на физиономию мужа?»

В семи законченных и двух незаконченных романах Остин — ее мир, планета английского поместного дворянства со своими спутниками: священниками, адвокатами, офицерами, авантюристами и дамами сомнительного благочестия. Это не монументальные полотна, а «дошечки из слоновой кости», ею вырезанные и отполированные. В этих книгах нет ни войн, ни революций, ни нищих, ни преступников — и это во времена, когда штурмовали Бастилию, Англия ополчалась против Наполеона (два брата Джейн были моряками), крестьянство стонало от непосильного труда, а детей выслали из страны за украденную буханку хлеба. Но мир рухнет, если Лидия Беннет сбежит с мистером Уикхэмом, который даже не собирается на ней жениться.

Вот они, остиновские герои, стоят за диваном — приглушенно эротичные, в бриджах и белых шелковых чулках, господа с положением, не безупречные, но способные поработать над собой и, что самое приятное, в большинстве своем владеющие недвижимостью. И все думают об одном: о любви — но прежде всего о выгодном союзе. Сыновья высматривают богатых наследниц; у дочерей выбор невелик — либо обрести мужа, либо быть обузой для семьи.

Героини заняты поисками подходящей партии — связанные семейными узами и ограниченными замкнутым кругом из визитов и ответных визитов, выездов и балов, бесконечных вечеров за рукоделием, вистом и глупой болтовней. Но лучшим из них все же удается сыграть соло в обществе, которому мало дела до добродетели женщины и совсем нет дела до ее желаний. Удаются потому, что они мужественны и энергичны, как Элизабет Беннет; не теряют головы, как Элинон Дэшвуд. И получают своего мужчину, причем счастливый конец бы-

вает иногда на удивление рассудочным. Писательница знает, чего и кого заслуживает каждая из ее героинь.

«Раз в жизни у любой женщины должно быть право выйти замуж по любви», — пишет она Кассандре, — и если леди С. бросит наконец свои головные боли и свое жеманство, то, так уж и быть, я пожелаю ей счастья». Сказала, как пощечину влила. Теперь можно и вернуться к своему рукоделию. И только леди С. держится за щеку.

Джейн Остин, рожденная сельным, предпоследним, ребенком в семье священника в 1775 году в Сти-вентоне (Гэмпшир), так никогда и не вышла замуж, хотя недостатка в поклонниках явно не испытывала и сама осталась в памяти одной из современниц «прелестнейшей, вздорнейшей и жеманнейшей бабочкой в брачном полете». У нее были темные локоны, красивые глаза и круглые щеки. Прекрасный вкус и тонкий юмор. Она любила танцевать. В двенадцать лет взялась за перо, забавляя домашних едкими пародиями

на душещипательные романы, и играла с братьями в театр. К 23 годам она была уже автором четырех собственных романов. Первую версию «Гордости и предубеждения» отец предложил одному издателю, но получил отказ. Публикации книги ей пришлось ждать долгих семнадцать лет.

Единственный прижизненный портрет Джейн Остин показывает нам молодую женщину в чепце (знак того, что она считала себя уже вышедшей из брачного возраста) — тонкие губы, скептический взгляд и скрещенные на груди руки. Чепец давал и свои преимущества: не нужно было каждый день заниматься прической, и еще она теперь могла позволить себе во время домашнего бала просто посидеть на диване «и выпить столько вина, сколько мне захочется». В 27 она ответила отказом одному джентльмену. Он был очень мил, богат, жил неподалеку, и его сестры были ее подругами. Не любила? Или не могла забыть другого?

Для биографов этот ее поступок остается загадкой. Но, возможно, мисс Остин лучше знала, что ей нужнее и чего она могла бы лишиться, став миссис Бигг Уизер: времени для занятий литературой. И не для заполнения часов досуга, а для исполнения своего призвания. С 1811 по 1817 год, год ее смерти, она закончила три больших романа и принялась за четвертый. Семейные узы ко многому обязывали. Все летние месяцы милая и безденежная тетя Джейн проводила у старших братьев — в качестве гостьи и дополнительной хозяйки. Домик в Чотоне она делила с сестрой Кассандрой и старухой матерью. Литературный успех пришел как заслуженное счастье. Отрадным было признание со стороны принца-регента и сэра Вальтера Скотта, но не меньше радовали и деньги.

Наконец-то у нее появились средства, чтобы куда-то съездить! В Лондоне она устремлялась не только в театры, но и в магазины тоже: бумажная и бомбазин, тюль, крапчатый муслин, клетчатая шелковая тафта, шляпки с маками или перьями цесарки, чулки, пуговицы, корсеты, перчатки, накладки из горностая — всем этим ее письма полны, как склад театрального инвентаря. «Покупать ли нам черные кружева в связи с кончиной герцога Глостерского, или обойдемся лентами?»

Дальше Лондона и Бата Джейн никогда и не ездил. «Она ведала однообразную, лишённую событий жизнь», — писал ее брат Генри, который вообще не представлял себе, что женщины способны на интересные мысли. Сам Генри поочередно становился студентом, офицером, банкиром и священником. Обаятельный и наделенный даром красноречия, он был ее любимым братом. Но не ему судьба судила повелевать людям нечто такое, что волнует их и два века спустя. Это сделала Джейн Остин, так много знавшая и так мало испытывавшая.

Остия Динелла 18-25.04.2006